

УДК 341.4

DOI 10.52575/2712-746X-2025-50-4-867-875

EDN MBOIJE

Особенности правовой квалификации преступлений террористической направленности в международном праве

¹ Шубин В.Н., ² Чуева И.А.

¹ Тамбовский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
Россия, 392001, г. Тамбов, ул. Гастелло, д. 32а

² Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85
k3rangaschubin@inbox.ru, chueva_i@bsuedu.ru

Аннотация. В современных реалиях террористические угрозы носят транснациональный характер, при этом отсутствует единое признанное юридическое определение терроризма, что существенно затрудняет международное сотрудничество в сфере уголовного преследования и правосудия. Целью исследования является выявление проблем, возникающих при квалификации деяний в качестве актов международного терроризма, и определение основных элементов, формирующих международно-правовой состав данного преступления на основе существующих конвенционных механизмов. Показано, что, несмотря на отсутствие универсальной дефиниции, международное право выработало консенсусные критерии для идентификации террористических актов, прежде всего, через специальную цель – принуждение правительств или устрашение населения. Сделан вывод о том, что дальнейшее совершенствование международно-правового режима противодействия терроризму должно быть направлено не только на выработку всеобъемлющей конвенции, но и на укрепление существующих механизмов, в частности, на гармонизацию национального законодательства и более широкое применение принципа универсальной юрисдикции.

Ключевые слова: международное право, терроризм, правовая квалификация, международные преступления, универсальная юрисдикция, конвенционный механизм, состав преступления, международное сотрудничество, экстрадиция

Для цитирования: Шубин В.Н., Чуева И.А. 2025. Особенности правовой квалификации преступлений террористической направленности в международном праве. *NOMOTNETIKA: Философия. Социология. Право*, 50(4): 867–875. DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-4-867-875 EDN: MBOIJE

Features of the Legal Qualification of Terrorist Crimes in International Law

¹ Valery N. Shubin, ² Inna A. Chueva

¹ Tambov Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
32a Gastello St., Tambov 392001, Russian Federation

² Belgorod State National Research University
85 Pobedy St., Belgorod 308015, Russian Federation
k3rangaschubin@inbox.ru, chueva_i@bsuedu.ru

Abstract. Today, terrorist threats are transnational in nature, while there is no single recognized legal definition of terrorism, which significantly complicates international cooperation in the field of criminal

prosecution and justice. The purpose of the study is to identify the problems that arise when specific acts are determined as deeds of international terrorism, and to identify the main elements that form the international legal structure of this crime on the basis of existing conventional mechanisms. It is shown that, despite the lack of a universal definition, international law has developed consensus criteria for identifying terrorist acts, primarily through a special purpose – coercion of governments or intimidation of the population. It is concluded that further improvement of the international legal regime for countering terrorism should be aimed not only at developing a comprehensive convention, but also at strengthening existing mechanisms, in particular, at harmonizing national legislation and wider application of the principle of universal jurisdiction.

Keywords: international law, terrorism, legal classification, international crimes, universal jurisdiction, conventional mechanism, elements of the crime, international cooperation, extradition

For citation: Shubin V.N., Chueva I.A. 2025. Features of the Legal Qualification of Terrorist Crimes in International Law. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 50(4): 867–875 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-4-867-875 EDN: MBOIJE

Введение

В условиях глобализации и возрастающей взаимозависимости государств терроризм превратился из внутригосударственной проблемы в одну из наиболее серьезных угроз международному миру и безопасности. Его транснациональный характер, проявляющийся в планировании, финансировании, исполнении и сокрытии последствий преступлений на территориях различных государств, требует скоординированных и юридически выверенных ответных мер со стороны всего мирового сообщества. Однако эффективность такого противодействия напрямую зависит от способности международного права дать четкую и однозначную правовую оценку террористическим преступлениям. Центральной проблемой, препятствующей формированию единого фронта борьбы с терроризмом, остается вопрос его правовой квалификации [Пикин, 2021]. Отсутствие универсально принятого определения терроризма в международном праве порождает многочисленные коллизии в правоприменительной практике, создает лазейки для уклонения от ответственности и затрудняет реализацию институтов международного сотрудничества, таких как выдача преступников и оказание правовой помощи [Кондратенко, 2016]. Сложность квалификации обусловлена не только правовыми, но и политическими факторами, связанными с известным тезисом «террорист для одного – борец за свободу для другого», что исторически тормозит достижение консенсуса.

Различные подходы к определению терроризма в уголовном праве зарубежных стран свидетельствуют о сохраняющейся фрагментации правового поля, что не способствует единообразному применению норм [Теппеев, 2024]. Однако международное сообщество осознает необходимость консолидации усилий, которые выражаются в принятии целого ряда универсальных и региональных конвенций, направленных на борьбу с отдельными проявлениями террористической деятельности. Именно конвенционный, или «секторальный», подход сегодня составляет основу международно-правового режима противодействия терроризму.

Целью исследования является выявление особенностей и проблем правовой квалификации преступлений террористической направленности в современном международном праве.

В рамках данного исследования предполагается рассмотреть сложившиеся подходы к определению состава международного терроризма, выявить его объективные и субъективные признаки, а также проанализировать юрисдикционные аспекты, имеющие решающее значение для обеспечения неотвратимости наказания.

Методы исследования

Методологическую основу исследования составил комплекс общенаучных и частно-научных методов познания, чтобы обеспечить всесторонность и объективность анализа поставленной проблемы. Центральное место в работе занимает формально-юридический (догматический) метод, который применялся для анализа содержания международных договоров, резолюций Совета Безопасности ООН и других документов международных организаций, формирующих нормативную базу для квалификации террористических преступлений. С его помощью выявлены составы преступлений, предусмотренных в так называемых антитеррористических конвенциях. Использовался сравнительно-правовой метод, который помог сопоставить различные подходы к определению терроризма и ответственности за него как на международном уровне, так и в рамках национальных правовых систем. Системный подход дал возможность рассмотреть совокупность международно-правовых норм в сфере борьбы с терроризмом как единый, хотя и не до конца сформированный правовой режим, выявить взаимосвязи между его отдельными компонентами, такими как нормы материального права, процессуальные механизмы и институты сотрудничества.

Кроме того, применялся историко-правовой метод для отслеживания эволюции международно-правовых представлений о терроризме, начиная с первых попыток его криминализации под эгидой Лиги Наций и заканчивая современным состоянием, характеризующимся наличием разветвленной системы конвенционных обязательств.

Анализ научной доктрины и юридической литературы по теме исследования помог обобщить существующие теоретические подходы к пониманию сущности терроризма как международного преступления и выявить наиболее дискуссионные вопросы, связанные с его правовой квалификацией. Комплексное применение указанных методов обеспечило достижение поставленной цели и помогло сформулировать обоснованные выводы относительно текущего состояния и перспектив развития международно-правового регулирования в рассматриваемой сфере.

Квалификация преступлений террористической направленности в международном праве

Проблема преступлений террористической направленности остается одной из наиболее острых в современном мире и вызывает необходимость всестороннего изучения особенностей их правовой квалификации, особенно в контексте международного права [Липкина, 2018]. Сложность заключается в отсутствии единого, общепризнанного на международном уровне определения самого понятия «терроризм», которое существенно осложняет унификацию законодательства и механизмов сотрудничества [Bodrožić, 2016]. Международное сообщество, тем не менее, предпринимает попытки определить и квалифицировать отдельные виды преступлений, ассоциируемых с терроризмом, через систему конвенций и резолюций [Дикусар, 2018].

В отличие от национальных правовых систем, где могут существовать прямые определения террористических преступлений, международное право пошло по пути разработки секторальных конвенций, фокусирующихся на конкретных видах действий, которые квалифицируются как преступные, если они совершены с террористической целью [Soković, Radončić, Terzić, 2017]. Подход международного права, таким образом, в значительной степени базируется на квалификации деяний, а не на универсальном определении терроризма [Petrović, 2020].

В широком смысле преступления террористической направленности в международном праве описаны как уголовно наказуемые деяния, предусмотренные международными конвенциями, которые по своей природе имеют транснациональный характер, совершаются с целью устрашения населения или принуждения правительства

или международной организации к совершению или воздержанию от совершения какого-либо действия и подлежат преследованию на основе принципа универсальной юрисдикции или принципа «выдай или суди» [Orina, 2016]. Террористические преступления, как правило, характеризуются совершением общественно опасных действий, представляющих угрозу международному миру и безопасности. Важным элементом выступает именно цель деяния – оказание воздействия на принятие решений органами власти, а также их общественно-политическая и идеологическая мотивация.

Международно-правовые основы борьбы с преступлениями террористической направленности основаны на международных актах, которые криминализуют конкретные действия, часто совершаемые террористами.

К международным актам, регулирующим борьбу с данными преступлениями, относятся:

1. Международная конвенция о борьбе с бомбовым терроризмом (Нью-Йорк, 1997 г.)¹ устанавливает уголовную ответственность за незаконное и преднамеренное доставление, помещение, приведение в действие или взрывание взрывного или иного смертоносного устройства в месте общественного пользования, государственном или правительственном объекте, объекте инфраструктуры или экологическом объекте или на его территории

2. Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма (Нью-Йорк, 1999 г.)² криминализует предоставление или сбор средств с намерением, чтобы они использовались, или при осознании того, что они будут использованы, полностью или частично, для совершения любого из преступлений, предусмотренных в конвенциях-предшественницах. Она также криминализует предоставление или сбор средств для совершения любого другого действия, направленного на причинение смерти или серьезных телесных повреждений гражданскому лицу или любому другому лицу, не принимающему активного участия в военных действиях в ситуации вооруженного конфликта. Цель такого действия по его характеру или контексту заключается в том, чтобы запугать население или заставить правительство или международную организацию совершить какое-либо действие или воздержаться от его совершения.

3. Международная конвенция о борьбе с актами ядерного терроризма (Нью-Йорк, 2005 г.)³, устанавливающая ответственность за незаконное и преднамеренное владение радиоактивным материалом или изготовление, обладание, использование ядерного или взрывного устройства, ядерного реактора с намерением причинить смерть или серьезные телесные повреждения, причинить значительный ущерб имуществу или окружающей среде или с целью заставить физическое или юридическое лицо, международную организацию или государство совершить какое-либо действие или воздержаться от его совершения.

Указанные конвенции направлены на закрытие правовых пробелов и обеспечение принципа «выдай или суди», чтобы преследовать лиц, совершивших террористические деяния, вне зависимости от места совершения.

¹ Международная конвенция о борьбе с бомбовым терроризмом (принята резолюцией 52/164 Генеральной Ассамблеи ООН от 16 декабря 1997 года; вступила в силу для Российской Федерации 7 июня 2001 года). URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&link_id=9&nd=201008929&collection=1&ysclid=mj1dr9q8zv94530251 (дата обращения 10.10.2025).

² Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма (принята резолюцией 54/109 Генеральной Ассамблеи ООН от 9 декабря 1999 года; вступила в силу для Российской Федерации 27 декабря 2002 года). URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc_itself=&collection=1&nd=201017101&page=1&trdk=0&link_id=0&ysclid=mj1dvsmzau35560974#I0 (дата обращения 10.10.2025).

³ Международная конвенция о борьбе с актами ядерного терроризма (принята резолюцией 59/290 Генеральной Ассамблеи от 13 апреля 2005 года; вступила в силу для Российской Федерации 7 июля 2007 года). URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&link_id=14&nd=203001910&collection=1&ysclid=mj1e30xxfo91456173 (дата обращения 10.10.2025).

Исходя из международного законодательства и доктринальных подходов, преступления террористической направленности в международном праве можно классифицировать по объекту посягательства, а также по характеру деяний:

1. Преступления, связанные с непосредственным применением насилия или угрозой его применения (акты насилия) [Chakraborty, 2019; Defossez, 2021]:

- бомбовый терроризм – использование взрывных или иных смертоносных устройств в публичных местах, объектах инфраструктуры или государственных объектах (регулируется Международной конвенцией о борьбе с бомбовым терроризмом 1997 года);

- ядерный терроризм – незаконное и преднамеренное использование радиоактивных материалов или ядерных устройств для причинения ущерба или принуждения (регулируется Международной конвенцией о борьбе с актами ядерного терроризма 2005 года);

- захват заложников – совершение действий по захвату и удержанию лиц с угрозой их убийства или причинения вреда, с целью принуждения к совершению или воздержанию от совершения какого-либо действия (регулируется Международной конвенцией о борьбе с захватом заложников 1979 года);

- преступления против безопасности гражданской авиации и морского судоходства – акты, направленные против безопасности полетов или судов, захват, саботаж и иные насильственные действия (регулируются соответствующими конвенциями, такими как Токийская 1963 г.¹, Гаагская 1970 г.² и Монреальская 1971 г.³ конвенции).

2. Преступления, связанные с организацией и обеспечением террористической деятельности [Orina, 2016; Chakraborty, 2019; Petrović, 2020; Defossez, 2021]:

- финансирование терроризма – предоставление или сбор средств для совершения террористических актов (регулируется Международной конвенцией о борьбе с финансированием терроризма 1999 года);

- организация или участие в террористическом сообществе (группе) – деятельность по созданию, руководству или вхождению в структуру, целью которой является совершение преступлений террористической направленности;

- подготовка и пособничество – действия, направленные на содействие или создание условий для совершения террористических актов (вербовку, обучение, предоставление средств).

3. Преступления, связанные с использованием информационных технологий в террористических целях. Хотя специальной универсальной конвенции, комплексно регулирующей кибертерроризм, пока не существует, тенденции к криминализации использования информационно-коммуникационных технологий для вербовки, пропаганды и планирования террористических актов очевидны на международном уровне и в рамках региональных соглашений.

Международное право выработало консенсусный подход к квалификации деяний в качестве преступлений террористической направленности через совокупность отраслевых (секторальных) конвенций и норм обычного права. Анализ международных документов показывает, что правовая квалификация терроризма строится на основе трех компонентов: характера самого деяния (объективная сторона), наличия специальной цели (субъективная сторона) и международного элемента, обуславливающего применение норм международного права.

¹ Конвенция о преступлениях и некоторых других актах, совершаемых на борту воздушных судов (подписана в Токио 14 сентября 1963 года). URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_safety/crime/1762784/ (дата обращения 10.10.2025)

² Конвенция о борьбе с незаконным захватом воздушных судов (принята 16 декабря 1970 года). URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/multilateral_contract/51201/ (дата обращения 10.10.2025)

³ Конвенция о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации

(подписана в Монреале 23 сентября 1971 года). URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/aviation_security.shtml?ysclid=mj1eioh2zf821256278 (дата обращения 10.10.2025)

Объективная сторона террористических преступлений в международном праве охватывает перечень насильственных действий, криминализованных в более чем девятнадцати универсальных и региональных конвенциях. К таким деяниям относятся, в частности, захват воздушных судов, акты насилия в аэропортах, захват заложников, преступления против лиц, пользующихся международной защитой, незаконный захват и использование ядерного материала, террористические бомбардировки и финансирование терроризма. «Секторальный» подход дает обойти политические разногласия относительно общего определения, фокусируясь на конкретных общественно опасных деяниях, недопустимость которых признается всеми государствами. Таким образом, при квалификации конкретного акта правоприменитель в первую очередь обращается к положениям соответствующих конвенций, чтобы установить, подпадает ли совершенное действие под их предметную юрисдикцию. Важным аспектом является то, что объективная сторона может включать не только совершение оконченного преступления, но и участие в нем, организацию террористического сообщества, а также вербовку и подготовку лиц для совершения таких актов, что находит отражение в национальном законодательстве, направленном на обеспечение безопасности [Chakraborty, 2019; Defossez, 2021].

Наиболее значимым элементом для правовой квалификации, отличающим терроризм от общеуголовных преступлений, является субъективная сторона, а именно наличие у виновного особой цели. Международная практика и доктрина сходятся во мнении, что террористический акт совершается не просто с умыслом на причинение смерти или вреда здоровью, а с конечной целью оказать воздействие на волю третьих лиц. Такая цель, как правило, формулируется как намерение запугать население или какую-либо его часть, либо принудить правительство или международную организацию совершить какое-либо действие или воздержаться от его совершения. Именно «трансцендентный» мотив, выходящий за рамки непосредственного результата насилия, является ядром концепции терроризма и его главным квалифицирующим признаком [Defossez, 2021]. Сложность доказывания такой цели представляет собой одну из главных практических проблем. При этом психологические аспекты субъекта преступления, его мотивационная сфера и идеологические установки играют важную роль в процессе установления данного признака, хотя и не всегда находят прямое отражение в юридических формулировках.

Третьим компонентом, определяющим особенности квалификации, является наличие международного элемента, который обуславливает применение норм международного права и задействование механизмов международного сотрудничества. Преступление приобретает международный характер, если оно затрагивает интересы нескольких государств, например, когда преступник и жертва являются гражданами разных стран, преступление совершено на территории одного государства, а его подготовка велась в другом, или когда деяние направлено против международной организации. Такие преступления являются основанием для применения принципа «выдай или суди», закрепленного во всех антитеррористических конвенциях, и служит предпосылкой для установления универсальной юрисдикции. Проблемы установления универсальной юрисдикции в отношении преступлений террористической направленности являются предметом активных научных дискуссий, поскольку ее применение напрямую связано с суверенитетом государств и их готовностью осуществлять уголовное преследование за преступления, не имеющие прямой связи с их территорией или гражданами [Defossez, 2021]. Квалификация преступления как международного терроризма открывает путь к использованию расширенного набора юрисдикционных оснований, преодолевающих традиционные территориальные ограничения.

Таким образом, международное право подходит к квалификации преступлений террористической направленности через призму криминализации конкретных опасных деяний, устанавливая универсальные стандарты уголовной ответственности и принципы

юрисдикции для борьбы с транснациональным характером этих преступлений. Несмотря на отсутствие единого определения терроризма, система секторальных конвенций ООН обеспечивает правовую основу для международного сотрудничества, обязывая государства-участники либо выдавать преступников, либо осуществлять уголовное преследование на своей территории.

Анализ содержания международных актов и мнений исследователей показал, что международно-правовая квалификация терроризма представляет собой сложный, многоуровневый процесс, который не сводится к подведению деяния под единую норму-дефиницию, а требует комплексного анализа целого ряда факторов. Существующий «секторальный» подход, несмотря на свою вынужденную природу, оказался достаточно прагматичным решением, позволившим создать рабочую правовую базу для международного сотрудничества. Однако такая фрагментарность порождает и существенные проблемы. Квалификация преступлений экстремистской и террористической направленности на стыке национального и международного права часто вызывает сложности, связанные с различным объемом понятий в разных правовых системах. Например, деяние, квалифицируемое как терроризм в одном государстве, может рассматриваться как общеуголовное преступление в другом, что создает барьеры для экстрадиции, особенно если запрашиваемое к выдаче лицо ссылается на политический характер своих действий.

Основным для дискуссии остается вопрос о соотношении терроризма и права на самоопределение народов, ведущих национально-освободительную борьбу. Отсутствие четкого разграничения понятий в международном праве является главным политическим препятствием на пути принятия всеобъемлющей конвенции. Также международный правовой режим ставит перед юридической наукой и практикой сложную задачу по выработке объективных критериев, которые помогли бы отделить преступные методы ведения борьбы от самой борьбы, какой бы спорной ни была ее цель.

Еще одним важным аспектом обсуждения является эффективность существующих юрисдикционных механизмов. Принцип универсальной юрисдикции, теоретически являющийся инструментом в борьбе с международным терроризмом, на практике применяется государствами крайне неохотно, по политическим соображениям и нежеланием портить отношения с другими странами, так и с практическими трудностями (сбором доказательств за рубежом, высокими затратами на судопроизводство и проблемами обеспечения безопасности свидетелей). Механизмы экстрадиции, основанные на двусторонних и многосторонних договорах, остаются основным инструментом передачи преступников, однако и здесь возникает множество проблем, связанных с оговоркой о «политическом преступлении» и требованиями соблюдения прав человека в запрашивающем государстве.

Следовательно, дискуссия о путях совершенствования международно-правового режима противодействия терроризму должна вестись в нескольких направлениях.

Во-первых, необходимо продолжать усилия по гармонизации национальных законодательств на основе общих подходов, заложенных в резолюциях СБ ООН и модельных законах.

Во-вторых, следует искать пути для преодоления политических разногласий с целью выработки всеобъемлющего определения, которое бы четко отграничивало терроризм от иных форм политического насилия.

Наконец, важно укреплять доверие между государствами и развивать практические механизмы сотрудничества, поскольку без политической воли даже самые совершенные правовые нормы останутся неэффективными.

Общие характеристики базовой концепции терроризма, несмотря на все споры, уже достаточно четко прослеживаются в международной практике, и именно на них следует опираться при дальнейшем развитии правового регулирования.

Заключение

Исследование правовой квалификации преступлений террористической направленности в международном праве показал, что современный международно-правовой режим противодействия терроризму характеризуется парадоксальной ситуацией. При отсутствии единого и универсально признанного определения данного преступления существует разветвленная и достаточно детализированная система конвенционных норм, криминализирующих конкретные его проявления. Правовая квалификация деяния в качестве акта международного терроризма осуществляется не на основе единой дефиниции, а путем установления его соответствия признакам, закрепленным в отраслевых антитеррористических конвенциях. Основным элементом, отграничивающим терроризм от иных насильственных преступлений, выступает его субъективная сторона, а именно специальная цель – устрашение населения или принуждение органов власти либо международных организаций к совершению определенных действий. Именно мотивационный компонент, наряду с объективными признаками конкретного деяния (захват заложников, бомбовая атака и т. д.), формирует международно-правовой состав преступления террористической направленности.

Несмотря на определенную эффективность «секторального» подхода, его фрагментарность порождает серьезные проблемы в правоприменительной практике, связанные с коллизиями юрисдикций, сложностями при экстрадиции и отсутствием единообразия в национальном законодательстве. Преодоление указанных проблем требует дальнейших скоординированных усилий мирового сообщества, направленных как на продолжение работы над проектом Всеобъемлющей конвенции по международному терроризму, так и на совершенствование и универсализацию уже существующих конвенционных механизмов. Особое значение приобретает последовательное применение принципа универсальной юрисдикции, который должен стать неотъемлемым элементом системы неотвратимости наказания за террористические преступления, подрывающие основы международного правопорядка. В конечном счете успех в борьбе с терроризмом зависит не только от совершенства юридических формулировок, но и от политической воли государств к реальному и бескомпромиссному сотрудничеству на основе общепризнанных принципов и норм международного права.

Список литературы

- Пикин И.В. 2021. Понятие, виды и ответственность за преступления террористической направленности в уголовном праве зарубежных стран. *Legal Bulletin*, Т. 6, 2: 32-38.
- Кондратенко З.К. 2016. Уголовная ответственность за организацию террористического сообщества и участие в нём как направление обеспечения национальной безопасности. *Историческая и социально-образовательная мысль*, Т. 8, 1-2: 21-27.
- Тепшеев А.А. 2024. К вопросу об анализе психологических аспектов субъекта преступлений террористической направленности. *Право и управление*, 12: 257-260.
- Липкина Н.Н. 2018. Универсальная юрисдикция: международно-правовые основания и проблемы установления в отношении преступлений террористической направленности. *Lex russica*, 6 (139): 92-105.
- Bodrožić I. 2016. Terrorism as a crime in the documents of international organizations. *Science security police*. Vol. 21, 1: 203-217.
- Дикусар Я.С. 2018. Квалификации преступлений экстремистской и террористической направленности. *Высшее профессиональное и дополнительное образование*, № 6: 69-91.
- Coković S., Radončić H., Terzić M. 2017. Crime – terrorism. *Military opus*, Vol. 69, 8: 379-392.
- Petrović D. 2020. General characteristics of the basic concept of terrorism. *Foreign Legal Life*, 64, 4: 147-160.
- Orina N.M. 2016. A critique of the international legal regime applicable to terrorism. *Strathmore law journal*, Vol. 1(2): 21-36.
- Chakraborty A. 2019. International Legal Regime: Analysis of Cases Relating to Global Terrorism. *Extradition Laws in the International and Indian Regime*: 77-130. DOI:10.1007/978-981-13-6397-9_3.

Defossez D. 2021. The concept of Terrorism: time to abandon the national approach to international law. *CIFILE Journal of International Law*, Vol. 3(2): 1-13. DOI:10.30489/CIFJ.2021.269726.1025.

References

- Pikin I.V. 2021. Ponyatie, vidy i otvetstvennost' za prestupleniya terroristicheskoi napravlenosti v ugovnom prave zarubezhnykh stran [The concept, types and responsibility for terrorist crimes in the criminal law of foreign countries]. *Legal Bulletin*, T. 6, 2: 32-38.
- Kondratenko Z.K. 2016. Ugolovnaya otvetstvennost' za organizatsiyu terroristicheskogo soobshchestva i uchastie v nem kak napravlenie obespecheniya natsional'noi bezopasnosti [Criminal liability for the organization of a terrorist community and participation in it as a way of ensuring national security]. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'*, T. 8, 1-2: 21-27.
- Teppeev A.A. 2024. K voprosu ob analize psikhologicheskikh aspektov sub"ekta prestuplenii terroristicheskoi napravlenosti [On the issue of analyzing the psychological aspects of the subject of terrorist crimes]. *Pravo i upravlenie*, 12: 257-260.
- Lipkina N.N. 2018. Universal'naya yurisdiksiya: mezhdunarodno-pravovye osnovaniya i problemy ustanovleniya v otnoshenii prestuplenii terroristicheskoi napravlenosti [Universal jurisdiction: international legal grounds and problems of establishment in relation to terrorist crimes]. *Lex russica*, 6 (139): 92-105.
- Bodrožić I. 2016. Terrorism as a crime in the documents of international organizations. *Science security police*. Vol. 21, 1: 203-217.
- Dikumar YA.S. 2018. Kvalifikatsii prestuplenii ehkstremistskoi i terroristicheskoi napravlenosti [Qualifications of extremist and terrorist crimes]. *Vysshee professional'noe i dopolnitel'noe obrazovanie*, № 6: 69-91.
- Coković S., Radončić H., Terzić M. 2017. Crime – terrorism. *Military opus*, Vol. 69, 8: 379-392.
- Petrović D. 2020. General characteristics of the basic concept of terrorism. *Foreign Legal Life*, Vol. 64, 4: 147-160.
- Orina N.M. 2016. A critique of the international legal regime applicable to terrorism. *Strathmore law journal*, Vol. 1(2): 21-36.
- Chakraborty A. 2019. International Legal Regime: Analysis of Cases Relating to Global Terrorism. *Extradition Laws in the International and Indian Regime*: 77-130. DOI: 10.1007/978-981-13-6397-9_3.
- Defossez D. 2021. The concept of Terrorism: time to abandon the national approach to international law. *CIFILE Journal of International Law*, Vol. 3(2): 1-13. DOI:10.30489/CIFJ.2021.269726.1025.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 18.10.2025

Поступила после рецензирования 05.11.2025

Принята к публикации 26.11.2025

Received October 18, 2025

Revised November 05, 2025

Accepted November 26, 2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Шубин Валерий Николаевич, студент, Тамбовский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Тамбов, Россия.

Чуева Инна Андреевна, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права юридического института, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Valery N. Shubin, Student of the Tambov Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Tambov, Russia.

Inna A. Chueva, Candidate of Law Sciences, Senior Lecturer at the Department of Theory and History of State and Law of the Law Institute, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.